

СОСТОЯНИЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РУССКОЙ АРМИИ В 1725–1762 гг.

Евгений Александрович Подберезный¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹*Аспирант кафедры истории России,
e-mail: evgenypodbeznyy@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется исторический опыт развития русского офицерства в 1725–1762 гг. Обозначены основные характеристики русского офицерского корпуса, проанализированы главные аспекты повседневной жизни русского офицера XVIII в. и установлено их влияние на состояние офицерского корпуса русской армии. На основании законодательных актов XVIII в. выявлены негативные тенденции в развитии офицерского корпуса и определены факторы, оказавшие влияние на снижение качества подготовки офицеров русской армии периода «дворцовых переворотов».

Ключевые слова: офицерский корпус, «дворцовые перевороты», военное образование, комплектование армии, повседневная жизнь.

Для цитирования: Подберезный Е. А. Состояние офицерского корпуса русской армии в 1725–1762 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 126–131. DOI 10.47438/2309-7078_2021_2_126.

Введение

Оценка состояния офицерского корпуса русской армии является чрезвычайно актуальной проблемой исторической науки, поскольку уровень образования и качество военной подготовки офицерства во многом определяет состояние и боеспособность любой армии. Данное обстоятельство имело место в прошлом, остается важным и сегодня. На протяжении всего существования российского государства русской армией был накоплен колоссальный военно-исторический опыт, имеющий значение не только для теоретического изучения, но и для практического осмысления и применения. Именно поэтому его необходимо учитывать и при строительстве современной армии. Нужно понимать, что в отдельные периоды русской истории, прежде всего в критические и переломные эпохи, офицерство приобретало исключительное значение во всех сферах жизнедеятельности государства. К числу таких периодов можно отнести время «дворцовых переворотов» 1725–1762 гг.

Несомненно, проблема состояния и боеспособности русского офицерского корпуса получила освещение в исторической и иной литературе. Вместе с тем многие вопросы остались за рамками исторических исследований. Оценки офицерского корпуса в историографии чрезвычайно разнятся и варьируются от крайне негативных до чрезмерно идеалистических, в связи с чем получение достоверной информации возможно только при осуществлении комплексного анализа ключевых работ по теме и сопоставление приводимых в них данных с материалами источников. Целью настоящей статьи является анализ состояния русского офицерского корпуса в период с 1725 по 1762 гг. и восполнение имеющихся пробелов в исследовании проблемы.

Статья подготовлена на основе опубликованных источников, что не умаляет ее содержательного значения. Важными источниками по данной теме являются законодательные акты, которые регулировали вопросы, связанные с русским офицерством.

Не менее интересны мемуары представителей офицерского корпуса, которые восполнить многие пробелы и устранить неточности некоторых характеристик.

Результаты

При рассмотрении состояния русского офицерского корпуса невозможно обойти стороной вопрос о его ключевых изменениях в первой четверти XVIII в., так как именно в годы петровских реформ произошли радикальные сдвиги в положении, способах комплектования и службе российского офицерства.

На основании указа Сената от 16 января 1721 г., Табели о рангах 1722 г. все лица вне зависимости от происхождения при достижении чина прапорщика (XIV класс) получали потомственное дворянство, распространявшееся на детей и жену. При этом потомственное дворянство получали дети, родившиеся после получения недворянином офицерского чина. При отсутствии детей мужского пола, родившихся после получения чина, офицер мог передать права потомственного дворянина детям, родившимся до этого [4, с. 21]. В связи с этим, уже во время правления Петра I именно дворянское сословие стало основой офицерского корпуса и наиболее привилегированной его частью.

Сложившаяся в начале XVIII в. система офицерских чинов на протяжении всего столетия претерпевала лишь незначительные изменения. При этом офицерские чины могли иметь лица, которые служили в ведомствах, не подчиненных военному руководству [4, с. 25]. Самой привилегированной частью офицерства являлась гвардия, особенно Семёновский и Преображенский полки. В самой регулярной армии выделялось положение офицеров артиллерии (для которых в Табели о рангах была отведена отдельная графа), а также инженерных войск [4, с. 26].

Характерно, что чины одинакового наименования в разных родах войск могли состоять в разных классах, например, в начале XVIII в. капитан гвардии соответствовал майору артиллерии и подполковнику общевойсковых частей. В Табели о рангах не было разницы между чинами и должностями.

Так, бригадир был действительно командиром бригады, а капитан – командиром роты и т.д. [4, с. 27].

При рассмотрении способов комплектования офицерского корпуса можно заключить, что в XVIII в. он формировался тремя основными способами: из солдат и унтер-офицеров, из выпускников военно-учебных заведений и благодаря переходу иностранцев на русскую службу [4, с. 34]. Важно отметить, что главным источником пополнения офицерского корпуса новыми кадрами являлось производство из солдат и унтер-офицеров. Указом Петра I от 26 февраля 1714 г. было запрещено производство в офицеры тех дворян, которые не служили солдатами в гвардии [10, с. 84-85]. Данный запрет не распространялся на офицеров недворянского происхождения. В силу этого обстоятельства гвардия надолго превратилась в кузницу офицерских кадров для русской регулярной армии. Однако после смерти Петра I подход государства к службе дворян значительно меняется.

До середины 1730-х гг. служба дворян являлась бессрочной, однако уже с 1736 г. сроки службы дворян ограничивались, а один из сыновей имел право оставаться дома для управления хозяйством. При этом общий срок службы равнялся 25 годам, то есть дворянин служил с 20 до 55 лет, после чего имел право уйти со службы или продолжить ее, но уже на добровольных началах. Однако со временем, начиная номинально службу в 12-13 лет, дворянин-офицер имел возможность выйти в отставку и отправиться в свое имение уже к 38 годам [3, с. 177]. Вместе с тем важно отметить и тот факт, что в рассматриваемый период в основаниях для отставки с военной службы не фигурировало истечение срока 25-летней службы [16, с. 71]. Тезис о трудностях отставки подтверждается и современниками [2, с. 147, 974]. В целом закон о 25-летней службе на практике чаще всего не выполнялся. Очевидной тенденцией является поздний, превышающий 25 лет, выход в отставку не имевших крестьян мелких помещиков, тогда как более состоятельные дворяне выходили в отставку раньше 45 лет [16, с. 71]. Очевидно, что важную роль здесь играл не только «детский» стаж, но и нелегальные способы «ускорения» отставки, такие как взятки и протекции, что подтверждается мемуарами дворян [2, с. 974]. Нередки были и случаи, когда состоятельный дворянин уходил в отставку по причине «сфабрикованной» болезни [16, с. 73]. В целом мы можем отметить тенденцию нарушения срока военной службы в пользу более обеспеченных групп дворянства, которая сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода. В тех же случаях, когда правительство пыталось бороться с этими нарушениями, оно лишь ущемляло интересы мелких помещиков.

Важным фактором, оказавшим влияние на состояние офицерского корпуса, стало введение сенатским указом от 9 февраля 1737 г. регистрации всех недорослей старше 7 лет [14, с. 43]. Согласно указу по исполнению 12 лет проводилась проверка качества их обучения и определялись желающие продолжать обучение в школе. В 16 лет судьба дворянина зависела от того, насколько качественное образование он получал. При желании дворянин мог избрать гражданскую службу. Те же дворяне, которые не были заинтересованы в гражданской службе, продолжали обучение. Если дворянин получал недостаточное образование к 16 годам, его определяли в матросы без права выслуги в офицеры, однако, те, кто обучался хорошо, имели возможность ускоренно получить офицерское звание [14, с. 44].

Производство в офицеры производилось путем выборов всеми офицерами полка, т.е. баллотировки, которая стала настоящим служебным экзаменом, так как претендующий на офицерское звание должен был иметь рекомендации общества офицеров полка [4, с. 35]. Здесь важно отметить, что в плане производства в офицеры не существовало словесных ограничений. Солдаты и унтер-офицеры также имели право на офицерский чин, однако дворяне имели серьезное преимущество перед рекрутами из других сословий: наличие хорошего образования. Именно поэтому первыми на очереди для производства в офицеры стояли дворяне, что значительно влияло на соотношение дворян и недворян в офицерском корпусе.

С середины XVIII в. возникла и получила значительное распространение практика записывания дворян в полки с раннего возраста, благодаря чему ко времени поступления на фактическую службу дворяне могли иметь унтер-офицерский или даже офицерский чин [4, с. 35]. Не вызывает сомнений тот факт, что подобная мера оказывала серьезное влияние на подготовку кадров и ограничивала возможности военнослужащих из недворянского сословия. При этом совершенно очевидно, что такая мера извращала идею Петра I о том, что каждый дворянин, желающий получить офицерский чин, должен начать свой путь с рядового в армии или гвардии. В силу данного обстоятельства, можно отметить определенное ухудшение качества подготовки офицерских кадров в 1730-1740-е гг. [3, с. 178]. Закономерным же следствием всех вышеперечисленных привилегий дворянства при прохождении службы стало издание «Манифеста о вольности дворянской» 1762 г., который полностью освободил дворян от обязательной военной службы.

Качество подготовки офицерского корпуса во многом зависело от эффективности военного образования. Начало собственно военному образованию положено Петром I на рубеже XVII-XVIII вв. Именно в его правление предпринимается попытка создать сеть профессиональных учебных заведений для военнослужащих. После смерти Петра I многие школы, особенно артиллерийские, закрывались, но развитие системы образования продолжалось. Так, в 1735 г. открылась Чертежная артиллерийская школа на 30 человек, в которую принимали только дворян и офицерский детей. После присоединения Арифметической артиллерийской школы это учебное заведение получило название Санкт-Петербургской артиллерийской школы [4, с. 69]. В это же время подобная школа появилась в Москве. Позднее, в 1758 г., граф П.И. Шувалов объединил Артиллерийскую и Инженерную школы в одно учебное заведение – Артиллерийскую и инженерную дворянскую школу [4, с. 69].

Все учащиеся Артиллерийской и Инженерной школ считались нижними чинами армии, в силу чего в начале обучения приводились к присяге. Они получали от 12 до 36 рублей жалования и первое время жили на частных квартирах [4, с. 69]. Наиболее успешных учеников по окончании обучения производили в унтер-офицеры, тогда как менее талантливые выпускались рядовыми. Наравне с этим в рассматриваемый период продолжали существовать и гарнизонные школы, сеть которых после присоединения к ним в 1744 г. цифирных школ, значительно расширилась [3, с. 179].

Особую роль в системе обучения офицеров играл открытый 29 июля 1731 г. Кадетский корпус, располагавшийся в Петербурге и созданный по прусскому образцу. В кадетский корпус имели доступ дворяне, получившие хорошее домашнее образова-

ние, возрастом от 13 до 18 лет [12, с. 519]. Учебный курс состоял из 4 классов, причем в трех старших учеба продолжалась 5-6 лет [7, с. 16]. Количество обучающихся постоянно росло: от 360 кадетов в 1732 г. до 490 в 1760 г. По окончании обучения выпускник определялся в тот род войск, в котором, по мнению совета корпуса, он смог бы наиболее полно раскрыть свои способности. Особо отличившиеся по окончании обучения получали звание подпоручика или поручика, однако основная масса дворян заканчивала кадетский корпус в чине унтер-офицера или прапорщика [4, с. 70]. Темпы подготовки и обеспечения армии выпускниками данного учебного заведения оставались небольшими: за 30 лет своего существования кадетский корпус подготовил 1200 офицеров [3, с. 179].

Поступление в кадетский корпус не означало, что выпускник обязательно нес военную службу по его окончании. Несмотря на это, обучение в кадетском корпусе было довольно суровым, что нередко толкало учащихся на побег [7, с. 16]. Частые побег вынудили правительство ввести наказания. Так, указом 1733 г. устанавливалось, что за первый побег дворяне определялись для обучения в гарнизонную школу на полгода, а за второй – на три года [13, с. 122]. При этом после отбытия наказания нерадивых дворян возвращали в кадетский корпус для продолжения обучения, и лишь за третий побег дворяне переводились в солдаты, теряя возможность стать офицерами по окончании обучения [5, с. 25].

В целом для военного образования изучаемого периода преобладание принудительных методов воспитания и обучения являлось характерным явлением. Кроме того, наблюдался механический перенос методов обучения офицеров, практикуемых за рубежом, что во многом объясняется засильем иностранных преподавателей в системе образования [1, с. 201]. Существовала зависимость между положением дворянина на карьерной лестнице и его имущественным положением. Значительная часть дворянства оставалась безграмотной или имела начальное образование. Так, в 1760-е гг. примерно 8% оставших дворян были неграмотными, 47% получили начальное образование, 15% окончили специализированные средние учебные заведения и около 30% окончили кадетские училища [16, с. 53].

С увеличением численности вооруженных сил количество офицеров, получающих достойное образование, уменьшалось. Это было связано с тем, что происходило снижение интенсивности открытия специализированных учебных заведений. Не вызывает сомнений тот факт, что по сравнению с петровской эпохой развитие системы образования двигалось по инерции, что оказывало негативное влияние на подготовку кадров, при этом с течением времени потребность армии в квалифицированных офицерах только росла.

При рассмотрении материалов о социальном происхождении офицеров следует отметить, что офицер-дворян в полках было больше, нежели выходцев из других сословий. Так, данные середины XVIII в., касающиеся социального состава ряда драгунских полков, явно указывают на преобладание офицеров, имевших дворянское происхождение: в Вологодском полку 45 дворян-офицеров из 78 человек (58%), в Луцком полку – 46 из 75 (61%), в Олонецком полку – 25 из 78 (32%), а также 16 офицеров-иностранцев (21%) [6, с. 19]. Важно учитывать и то обстоятельство, что вышеуказанные полки находились на значительном удалении от Центральной части России, и служба в них едва ли

могла считаться престижной. Не вызывает сомнений тот факт, что в других армейских полках картина социального состава офицерства могла значительно отличаться в пользу большего преобладания дворянства.

При характеристике состава офицерского корпуса важно учитывать роль иностранцев на русской службе. Еще со времен Петра I четко устанавливались пропорции офицеров русского происхождения и офицеров-иностранцев, согласно которым доля последних не могла превышать трети от общего числа. В 1733 г. этот указ был дополнен указом от 17 мая, которым запрещалось присвоение обер-офицерского чина иностранцам без особого распоряжения императрицы [13, с. 128]. Позднее, указом от 16 января 1736 г. генерал-майору Бисмарку дозволялось наделять иностранцев чином до капитанского [13, с. 717].

Приведенные факты указывают на то, что российское правительство со времен Петра I стремилось обеспечить преобладание русских офицеров над иностранцами в составе офицерского корпуса. Нередко приоритет русских офицеров приводил к сокращению возможностей иностранных офицеров к продвижению по службе [8, с. 81]. Несмотря на это, с конца 1730-х гг. русский офицерский корпус активно пополнялся офицерами-иностранцами. Причина этого – острая нехватка кадров в среднем и младшем командном составе, которая решалась с помощью привлечения на службу остзейских дворян [3, с. 177]. В силу данных обстоятельств можно наблюдать нарушение пропорций, установленных Петром I. Причем нарушения касались не только младшего и среднего командного состава, но и высшего. К слову, командирами упомянутых выше трех драгунских полков Сибири являлись офицеры-иностранцы [6, с. 42].

В целом картина преобладания офицеров, имеющих дворянское происхождение, подтверждается многочисленными источниками и являлась характерной для армии, что вполне объяснимо особенностями политического развития рассматриваемого периода, а также теми требованиями, которые предъявлялись к лицам, претендующим на офицерский чин.

Прохождение службы дворянами зависело не только и не столько от уровня образования, сколько от имущественного положения. Так, указ от 8 марта 1732 г. предписывал «малопоместных» и «беспоместных» недорослей не высылать в Санкт-Петербург, а записывать их в провинциальные поместные полки, вблизи места приписки [12, с. 643]. Позднее исполнение этого указа было подтверждено докладом Сената и резолюцией императрицы, согласно которой списки мелкопоместных недорослей и их распределение по полкам ставилось под контроль императорского кабинета [12, с. 887].

Безусловно, тон данных законодательных актов свидетельствует о том, что императрица лишь заботилась о мелкопоместных дворянах, чтобы они не столкнулись с финансовыми трудностями при службе в столичных полках. Однако совершенно очевидно, что вполне возможно было дарование права служить по месту приписки, а не обязательное указание записывать всех мелкопоместных дворян в местные армейские и гарнизонные полки. Подобная мера, несомненно, ограничивала социальную мобильность мелкопоместных дворян и никак не учитывала их квалификацию, уровень подготовки и амбиции, основываясь лишь на их имущественном положении. Тенденция усиления имущественного ценза подтверждается и статистическими данными, касающимися имущественного положе-

ния офицеров гвардии [16, с. 57]. Можно обоснованно утверждать, что средние и крупные помещики при поступлении на военную службу имели основания рассчитывать на особые условия ее прохождения.

Связь между имущественным положением и продвижением по службе достаточно четко прослеживается в источниках. При повышении в звании дворянина учитывалось количество лет, которые он отслужил в одном и том же чине. Однако имелись существенные отступления от данного принципа. Так, указ 15 декабря 1738 г. рекомендовал повышать в гвардейских званиях более состоятельных дворян [14, с. 671]. Важную роль играла и система сверхкомплектной службы в низших чинах, которая значительно ускоряла прохождение чинов для состоятельных дворян [16, с. 58]. Помимо легальных способов ускоренного продвижения по службе, не менее важную роль играли способы нелегальные: имевшая место система протекции в чиновничестве позволяла дворянам получать чины значительно быстрее положенного [16, с. 66].

Переводы офицеров в XVIII в. были чрезвычайно редки. В основном они осуществлялись при необходимости пополнения некомплекта или укомплектования сформированных частей. Офицеру полагалось служить там, куда он был определен изначально, что в немалой степени связано и с особенностями линии старшинства для чиновничества в каждом подразделении [4, с. 107]. Исключения составляли офицеры гвардии, которые часто переводились в армейские полки, что было связано с отсутствием офицерских вакансий в гвардии, вынуждавшим гвардейцев многие годы служить в одном чине, практически не имея надежды на повышение.

Важную роль в службе и повседневной жизни офицества играли отпуска. Изначально офицер мог уйти в отпуск только в связи с неспособностью нести службу в период ранения или восстановления. В основном практиковался 6 месячный срок переосвидетельствования, затем, если офицер все еще не способен нести службу, он обязывался являться раз в год на переосвидетельствование и получение отпускной грамоты. При неявке офицера посылалось распоряжение по месту приписки для местных властей найти «уклониста» и отправить в Москву. Если же офицер предпринимал попытки скрыться, предписывалось отправить его крестьян в тюрьму и держать там до тех пор, пока нарушитель не объявится [4, с. 112]. Однако и в этом вопросе на возможность получения отпуска значительно влияли взятки и протекции, которыми пользовались наиболее состоятельные и влиятельные дворяне [16, с. 78].

С течением времени сопротивление дворянства обязательной службе заставляло правительство идти на уступки. Так, в указе 1727 г. допускалось две трети дворян-офицеров армейских полков отправлять в отпуск в поместья без сохранения жалования [11, с. 743]. В 1729 г. вышел указ о ежегодном увольнении в отпуск трети дворян-офицеров для «исправления домовых нужд» [12, с. 242]. Подобные послабления коснулись и гвардии. Указ 1732 г. позволял гвардейцам увольняться в отпуск в начале каждого года [12, с. 630]. В дальнейшем вышеперечисленные «льготы» для дворян офицеров лишь подтверждались. Указ 1752 г. установил месячные отпуска в декабре каждого года для всех желающих [15, с. 750]. Разумеется, введение столь продолжительных отпусков значительно облегчало военную службу дворян-офицеров и создавало условия для уклонения от нее.

Нередким явлением было исполнение офицерами гражданской службы. Офицеры могли получать перевод внутри военного ведомства, пополнить ряды военных чиновников, назначены на должности вне военного ведомства или, будучи уволенными, получить назначение на должности в гражданском аппарате с переименованием в гражданские чины [4, с. 141]. Впервые это явление приобрело массовый характер в начале 1730-х гг. и связано с тем, что Анна Иоанновна отблагодарила офицеров, которые помогли ей взойти на престол, чинами штаб-офицеров и генералов. Именно поэтому 14 ноября 1735 г. указ императрицы позволял пожалование офицеров гражданскими чинами и перевод их на гражданскую службу [13, с. 604]. В последующем офицеры из армии, переводящиеся на гражданскую службу, стали составлять серьезную конкуренцию гражданским офицерам, что потребовало принятия специальных мер. Так, определением Сената предлагалось направлять отставных офицеров на службу в провинции. Данная рекомендация ограждала гражданских офицеров из столичных ведомств от засилья армейских отставников. Важно отметить и тот факт, что назначения отставных военных офицеров на должности в центральных ведомствах не исключались, но ограничивались: отставной офицер мог быть назначен только при отсутствии претендентов из служивших в данном ведомстве дворян [4, с. 141].

В службе и повседневной жизни офицера важную роль играло жалование. Помимо основного жалования, офицеры получали различные добавочные суммы, а также квартиры и пастбищные угодья. Характерной тенденцией являлся разрыв между доходами различным групп офицества, однако с течением времени разница в доходах постепенно выравнивалась [4, с. 145]. В 1732 г. с целью привлечения дворян к военной службе был издан указ, увеличивший жалование офицеров и сравнявший его с жалованием офицеров-иностранцев [16, с. 38]. В целом в 1720-1760-е гг. жалование офицеров практически не менялось, что снизило его покупательную способность примерно на четверть [9, с. 48].

В первой половине XVIII в. особенных различий в уровне жизни офицера и других представителей высшего сословия не наблюдалось. Большинство офицеров получали доход со своего имения, а также довольно высокое жалование. При увольнении с военной службы офицер мог достойно жить на доходы своего имения, даже если оно было незначительных размеров. Однако уже в начале 1720-х гг. дворяне без поместий и без крестьян составляли 53,5% командного состава русской армии [16, с. 50]. В 1730 г. ситуация ухудшилась в связи с отменой ограничений указа о единонаследии, в силу чего дробление дворянский поместий и, как следствие, их обеднение стало устойчивой тенденцией на протяжении всего XVIII в. Несмотря на это, даже во второй половине XVIII в. офицерское жалование в основном могло удовлетворить потребности военнослужащего, чего нельзя сказать о многих мелкопоместных дворянах [4, с. 155]. Именно поэтому военная служба оставалась чрезвычайно популярной в обществе.

Важно отметить, что служба в армии могла сопрягаться с потерей здоровья, вызывавшей раннюю отставку. Самыми распространенными болезнями в офицерской среде являлись туберкулез и цинга [16, с. 78]. Одной из причин возникновения цинги считалось злоупотребление алкоголем. Пьянство провоцировало такие болезни, как геморрой, почечная недостаточность, гипертония, ранний цирроз пече-

ни [16, с. 79]. Здоровье отставных офицеров страдало из-за многочисленных травм и ранений [16, с. 80]. По мере накопления проблем вполне объяснимым выглядело желание офицеров уволиться с военной службы.

Выводы

Таким образом, качество и боеспособность офицерского корпуса на протяжении всего рассматриваемого периода оставались в центре внимания российского правительства. Наблюдалось смягчение условий подготовки и службы офицерского состава русской армии, что было обусловлено получением все больших привилегий дворянским сословием. В связи с этим происходило определенное снижение уровня военной подготовки офицеров и их боеспособности. Многие указы перечеркивали прогрессивные идеи Петра I, касавшиеся военной службы офицеров. Снижение уровня образования, сокращение срока службы с последующей отменой обяза-

тельной службы, увеличение возможностей для уклонения от исполнения обязанностей и детерминированность чиновничества имущественным положением – все это далеко не полный перечень негативных тенденций, которые возникали и развивались в 1725-1762 гг. Основы эффективности офицерского корпуса, заложенные при Петре I, несмотря на все негативные явления, в целом сохранялись. Боевые операции, в которых участвовала русская армия в период «дворцовых переворотов», в большинстве своем были успешными, а победы в Семилетней войне свидетельствовали о том, что русская армия вполне могла соперничать с сильнейшими армиями Европы, отстаивая национальные интересы России.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Алехин И. А. История военного образования в России XVIII – начала XX веков // Право и образование. 2004. № 6. С. 200–209.
2. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков / предисл. М. И. Семевского. СПб., 1870. Т. 1. 1017 с.
3. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М. : Военное изд-во министерства обороны Союза ССР, 1958. 622 с.
4. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М. : Воениздат, 1993. 219 с.
5. Галенковский П. А. Воспитание юношества в прошлом. СПб., 1904. 122 с.
6. Дмитриев А. В. Офицерский корпус драгунских полков русской армии в Сибири в первой половине 1750-х годов // Вестник НГУ. 2012. Вып. 8. С. 35–44.
7. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России. М. : РГБ, 2007. 125 с.
8. Куприянова О. И. Иностранцы на государственной службе в России в XVIII в. : правовой статус // Вестник Московского ун-та. 2008. № 5. С. 78–90.
9. Миронов Б. Н. Жалование офицеров русской армии в XVIII – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 45–53.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том V. 1713–1719 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830. 782 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VII. 1723–1727 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830. 933 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. 1728–1732 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830. 1004 с.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том IX. 1733–1736 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830. 1016 с.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том X. 1737–1739 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830. 990 с.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIII. 1749–1753 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830. 959 с.
16. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М. : Наука, 1999. 222 с.

References

1. Alekhin I.A. Istoriya voennogo obrazovaniya v Rossii XVIII – nachala XX vekov [History of military education in Russia in the 18th and early 20th centuries]. *Pravo i obrazovanie*, 2004, no. 6, pp. 200–209.
2. Bolotov A.T. *Zhizn' i prikluycheniya Andreyaya Bolotova, opisannaya im samim dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Saint Petersburg, 1870, vol. 1.
3. Beskrovnyi L.G. *Russkaya armiya i flot v XVIII veke* [Russian army and navy in the 18th century]. Moscow, 1958.
4. Volkov S.V. *Russkii ofiterskii korpus* [Russian officer corps]. Moscow, 1993.
5. Galenkovskii P.A. *Vospitanie yunoshetva v proshlom* [Education of youth in the past]. Saint Petersburg, 1904.
6. Dmitriev A.V. *Ofiterskii korpus dragunskikh polkov russkoi armii v Sibiri v pervoi polovine 1750-kh godov* [Officer corps of the dragoon regiments of the Russian army in Siberia in the first half of the 1750s]. *Vestnik NGU*, 2012, iss. 8, pp. 35–44.
7. Kamenev A.I. *Istoriya podgotovki ofiterskikh kadrov v Rossii* [History of officer training in Russia]. Moscow, 2007.
8. Kupriyanova O.I. *Inostrantsy na gosudarstvennoi sluzhbe v Rossii v XVIII v. : pravovoi status* [Foreigners in public service in Russia in the 18th century: legal status]. *Vestnik Moskovskogo un-ta*, 2008, no. 5, pp. 78–90.
9. Mironov B.N. *Zhalovan'e ofitserov russkoi armii v XVIII – nachale XX veka* [Salaries of officers of the Russian army in the 18th and early 20th centuries]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 2, pp. 45–53.
10. Speranskii M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sbranie Pervoe. Tom V. 1713–1719 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. V. 1713–1719]. Saint Petersburg, 1830.

11. Speranskii M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. Tom VII. 1723–1727 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. VII. 1723–1727]. Saint Petersburg, 1830.
12. Speranskii M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. Tom VIII. 1728–1732 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. VIII. 1728–1732]. Saint Petersburg, 1830.
13. Speranskii M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. Tom IX. 1733–1736 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. IX. 1733–1736]. Saint Petersburg, 1830.
14. Speranskii M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. Tom X. 1737–1739 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. X. 1737–1739]. Saint Petersburg, 1830.
15. Speranskii M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. Tom XIII. 1749–1753 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XIII. 1749–1753]. Saint Petersburg, 1830.
16. Faizova I.V. *Faizova I.V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii* ["Manifesto of Liberty" and the service of the nobility in the 18th century]. Moscow, 1999.

Поступила в редакцию 01.04.2021

Подписана в печать 25.05.2021

THE STATE OF THE OFFICER CORPS OF THE RUSSIAN ARMY IN 1725–1762

Evgenij A. Podbereznyj¹

Voronezh State University¹
Voronezh, Russia

¹*Postgraduate Student of the Department of Russian History,*
e-mail: evgenypodbereznyj@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the historical experience of the development of the Russian officer corps in 1725–1762. The main characteristics of the Russian officer corps are outlined, the main aspects of the everyday life of the Russian officer of the 18th century are analyzed and their influence on the state of the officer corps of the Russian army is established. On the basis of the corpus of legislative acts of the 18th century, negative trends in the development of the officer corps were identified and the main factors that influenced the decline in the quality of training of officers of the Russian army during the period of “palace coups” were identified.

Key words: officer corps, “palace coups”, military education, recruitment, everyday life.

Cite as: Podbereznyj E. A. The state of the officer corps of the Russian army in 1725–1762. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2021, no. 2, pp. 126–131. (in Russian). DOI 10.47438/2309-7078_2021_2_126.

Received 01.04.2021

Accepted 25.05.2021